

Tadeusz Szyszko

Библейские мотивы в творчестве Салтыкова-Щедрина

Acta Polono-Ruthenica 6, 191-199

2001

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Tadeusz Szyszko
(Polska, Warszawa)

Библейские мотивы в творчестве Салтыкова-Щедрина

Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина, одного из величайших писателей русской классической литературы XIX века, на протяжении всего периода советской власти, старались представлять как заклятого врага не только церкви и ее служителей, но и самой религии. Почти все советские щедриноведы, как бы сговорившись между собою, стремились в своих трудах, посвященных автору *Господ Головлевых*, высказываться в первую очередь на тему его атеизма и „выявлять” этот во многом надуманный атеизм в его текстах, а потом уже расстраиваться о литературной или публицистическо-критической деятельности сатирика. Появились и десятки работ, специально посвященных антирелигиозности и неверию творца *Истории одного города*¹, среди которых господствовал пухлый труд Валерия Кирпотина *Философские и эстетические взгляды Салтыкова-Щедрина*, во второй главе которого, озаглавленной *Атеизм*, критик изо всех сил стремился убедить читателя, что единственной верой Салтыкова чуть ли не сызмальства было материалистическое учение. „В литературных произведениях Салтыкова-Щедрина, даже самых ранних, мы не находим никаких следов колебаний в отношении религии. Уже в первых рецензиях, – уверяет Кирпотин, – Салтыков-Щедрин предстает перед нами как атеист, не признающий никаких уступок. С первых же

¹ См. напр.: Б. З. Мушин, *Атеизм Щедрина*, „Ученые записки Удмуртского гос. пед. ин-та”, Вып. 9, Ижевск 1956, s. 3–27; Ф. Н. Красухина, *Русские писатели в борьбе с религией*, Кострома 1958; Е. Г. Кислицына, Н. В. Яковлев, *Антирелигиозные мотивы в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина*, [w:] *Ежегодник музея истории религии и атеизма*, t. 3, Москва 1959, s. 204–221; М. А. Красноухов, *Русские писатели в борьбе с религией и церковью*, Москва 1960; Я. М. Лебедев, *Атеизм М. Е. Салтыкова-Щедрина*, Москва 1961; И. Порошкова, *Отражение борьбы с религией в классической русской литературе и живописи*, [w:] *Художественная литература в борьбе с религией*, Минск 1962; М. Горячкина, *Щедрин-атеист*, [w:] *Русская литература в борьбе с религией*, Москва 1963, s. 188–208.

шагов своей литературной деятельности он идет в прямую атаку на религиозно-идеалистические представления о соотношении «души» и «тела».² И несколько ниже Кирпотин добавлял: „Борьба против религии переплеталась у него с борьбой не только против церкви и царского государства, но и против основных идеологических и политических течений дворянства и буржуазии в России XIX века”.³ Валерий Кирпотин, а вслед за ним десятки других рьяных защитников „чистоты” щедринского атеизма, старались вовсе не замечать позитивных высказываний Салтыкова о религии и о ее благотворном воздействии на жизнь человеческую. Стыдливо замалчивали, или с явной натяжкой комментировали его слова о радости, какую дает верующему человеку в потустороннюю жизнь религия, высказываемые им в написанной на склоне лет полуавтобиографической *Пошехонской старине*, где также во всеуслышание признавался он, каким „животворным лучом” было для него прочитанное в детстве *Евангелие*.

„Когда я в первый раз, – писал Салтыков, – познакомился с Евангелием, это чтение пробудило во мне тревожное чувство. Мне было не по себе. Прежде всего меня поразили не столько новые мысли, сколько новые слова, которых я никогда ни от кого не слышал. И только повторительное, все более и более страстное чтение объяснило мне действительный смысл этих новых слов и сняло темную завесу с того мира, который скрывался за ним”.⁴

Так случилось, что девятилетний Салтыков приобщился к *Чтениям из четырех евангелистов* во время великого поста, когда в приусадебной „церкви каждый день совершались службы”, что „напоминало ежель не о покаянии, то о сдержанности”.⁵

„Для меня, – вспоминал Салтыков-Щедрин, – эти дни принесли полный жизненный переворот. Я не говорю ни о той торжественности, которая переполнила мое сердце, ни о тех совсем новых образах, которые вереницами проходили перед моим умственным взором, – все это было в порядке вещей, но в то же время играло второстепенную роль. Главное, что я почерпнул из чтения Евангелия, заключалось в том, что оно посеяло в моем сердце зачатки общечеловеческой совести и вызвало из недр моего существа нечто устойчивое, «свое», благодаря которому господствующий жизненный уклад уже не так легко поработал меня. При содействии этих

² В. Я. Кирпотин, *Философские и эстетические взгляды Салтыкова-Щедрина*, Москва 1957, с. 31.

³ *Ibidem*, s. 34.

⁴ М. Е. Салтыков-Щедрин, *Собрание сочинений в двадцати томах*, т. 17, Москва 1975, с. 70.

⁵ *Ibidem*.

новых элементов я приобрел более или менее твердое основание для оценки как собственных действий, так и явлений и поступков, совершавшихся в окружающей меня среде. Словом сказать, я уже вышел из состояния прозябания и начал сознавать себя человеком. Мало того: право на это сознание я переносил и на других. Доселе я ничего не знал ни об алчущих, ни о жаждущих и обремененных, а видел только людские особи, сложившиеся под влиянием несокрушимого порядка вещей; теперь эти униженные и оскорбленные встали передо мной, осиянные светом, и громко вопияли против прирожденной несправедливости, которая ничего не дала им, кроме оков, и настойчиво требовали восстановления поправленного права на участие в жизни. То «свое», которое внезапно заговорило во мне, напоминало мне, что и «другие» обладают таким же, равносильным «своим». И возбужденная мысль невольно переносилась к конкретной действительности, в девичью, в застольную, где задыхались десятки поруганных и замученных человеческих существ.

Я не хочу сказать этим, что сердце мое сделалось очагом любви к человечеству, но несомненно, что с этих пор обращение мое с домашней прислугой глубоко изменилось и что подлая крепостная номенклатура, которая дотоле оскверняла мой язык, исчезла навсегда. Я даже могу с уверенностью утверждать, что момент этот имел несомненное влияние на весь позднейший склад моего мирозерцания”.⁶

Кажется трудно яснее, как это сделал Салтыков, выразить свое отношение к Евангелию, с одной стороны, как к первоисточнику, формирующему определенное миропонимание, а с другой, пробуждаемому религиозные чувства. Однако советские щедриноведы долгие десятилетия изощрялись над этим признанием Салтыкова, стараясь во что бы то ни стало доказать, что в этом признании якобы вовсе не говорится о „каком-то пробуждении религиозного чувства”. Даже такой выдающийся, и едва ли не самый объективный исследователь творчества автора *Христовой ночи*, каким был Сергей Макашин, да и он утверждал: „Самостоятельно прочтенные в евангелии и по-детски непосредственно воспринятые слова о равенстве и братстве людей скорее могли, наоборот, подвести мысль мальчика Салтыкова к пониманию лжи и лицемерия религии”.⁷ Это утверждение Макашина сразу же подхватил известнейший проводник партийной линии в советском литературоведении Яков Эльсберг, который писал: „Мальчик не подчинился религиозно-

⁶ Ibidem, s. 70–71.

⁷ С. Макашин, *Салтыков-Щедрин. Биография 1*, изд. 2. доп., Москва 1951, s. 86.

мистическому духу книги, а в противоречии с ним вступил на путь строгого суда крепостнического гнета”.⁸

Значит, по специфическому разумению русских щедриноведов советского периода, прочитанное в детстве Салтыковым Евангелие, возбудило в нем только антирелигиозные чувства и преисполнило его душу социальным протестом. И тщетно мы бы искали у этих литературоведов ответа на простой вопрос – обращался ли Салтыков когда-нибудь впоследствии, хотя бы в годы своей юности, к чтению Евангелий и вообще Библии? Ответа на этот вопрос не найдем, а ведь не даром же он, как известно, один не из самых блестящих по отметкам выпускников Царскосельского (Александровского) лицея, в аттестате которого преобладали оценки *весьма хорошие, хорошие и посредственные*. получил по Закону божию, наряду с русской словесностью и статистикой, оценку *отлично*. Уже эта оценка свидетельствует, что Закон божий, требующий хорошего познания в Священном Писании, был одним из тщательно изучаемых Салтыковым-лицеистом предметов. А вскоре, уже в своем литературном творчестве, на практике, если можно так выразиться, Салтыков будет демонстрировать свое превосходное познание Библии, насыщая свои произведения ее образами, притчами и сказаниями, а такие библейские выражения, как *авилонская башня, авилонская блудница, петь Лазаря, аридовы веки, яко тать в ноци, птицы небесные, египетская тьма, Закхеева смоковница, купель сшоамская, чающие движения воды, лепта вдовицы, ветхий человек, чистые сердцем и нищие духом, Фома неверующий, страха ради иудейска* и др., станут в его устах, или устах его героев, своеобразными обиходными поговорками.

Следует однако сразу тут отметить, что Салтыков-Щедрин, в противовес таким выдающимся знатокам Священного Писания, как Андрей Мельников-Печерский, Федор Достоевский, Лев Толстой, не говоря уже о чествующем себя *иересиархом* Николае Лескове, редко прибегал к дословному воспроизведению отдельных стихов из книг Ветхого и Нового Заветов. Чаще всего, обращаясь к Библии, Салтыков-Щедрин использовал ее темы, образы, притчи и сказания в своеобразной для себя, как *прокурора* общественно-политической жизни, характерной трансформированной форме. Так, например, в рассказе *Дети Москвы*, описывая в 1877 году всеобщий восторг в связи с введением после аграрной реформы „волю вина”, Салтыков шутил, используя Евангелие от Луки (V, 14) и Иоанна (V, 3-12; IX, 1-7): „Слепые прозрели, чающие

⁸ Я. Эльсберг, *Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество*, Москва 1953, с. 14–15.

движения воды взяли под мышку одр и на рысях побежали в кабак”.⁹ А в опубликованном два года ранее рассказе *Сон в летнюю ночь* Салтыков показал, как сельский учитель Крамольников, преданный душой и телом крестьянским детям, используя известную простому народу притчу о вдовьей лепте (Марк, XII, 42; Лука, XXI, 1-4), а также легенду о жертвоприношении Авраама (Кн. Бытия, XXII, 1-19) и известное изречение о Иерусалиме из Псалтири (5-тый стих 136 псалма), обращаясь к крестьянам, празднующим юбилей односельчанина, произносит взволнованную речь:

„Вы, вероятно, слыхали от священника вашего о лепте вдовицы и, конечно, умилились над рассказом об ней! Но сообразите, во сколько раз святее и умильнее эта другая лепта, которою я назову лептою русского крестьянского малютки? Древле Авраам, по слову Господню, готовился принести в жертву сына своего Исаака, и ангел Господень остановил руку его. Русское крестьянство каждый день приносит эту жертву, и увы! останавливающий руку ангел не прилетает к нему! Древле пророк, оплакивая судьбы святого города, восклицал в смятении души своей: да будет забвенна рука моя, аще забуду тебя, Иерусалиме! Ныне я, как учитель детей крестьянских, проведенный сладчайшие минуты жизни своей в общении с ними, во всеуслышание восклицаю: дети! русские дети! Да будет забвенна десница моя, ежели забуду часы, проведенные с вами!”¹⁰

На библейские образы, притчи и сказания ссылаются отдельные герои почти во всех художественных произведениях сатирика, начиная с ранних *Губернских очерков* вплоть до упомянутой уже *Пошехонской старины*. Так в *Губернских очерках*, поручик в отставке Живновский, плут ябедник и пьяница, едет в Крутогорск, чтобы нажиться, а встретивши на заезде дворе собеседника, говорит ему: „Руки у меня, как изволите видеть, цепкие, а в Писании сказано: овцы без пастыря – толку не будет”.¹¹ В тех же *Очерках*, характеризуя мошенника Порфирия Петровича, рассказчик говорит: „Удивительно видеть его летом, когда он, усадив на длинные дроги супругу и всех маленьких Порфирычей и Порфирьен, которыми щедро наделила его природа, отправляется за город кушать вечерний чай. Перед вами восстает картина Иакова, окруженного маленькими Рувивами, Иосиями, не помышляющими еще о продаже брата своего Иосифа”.¹² В *Женихе* герои вспоминают при случае об Адаме и его

⁹ М. Е. Салтыков-Щедрин, *op. cit.*, t. 12, s. 375.

¹⁰ *Ibidem*, s. 363–364.

¹¹ *Ibidem*, t. 2, s. 59.

¹² *Ibidem*, s. 74.

грехопадении¹³, а в *Смерти Пазухина* говорится о *Книге притчей Соломона*.¹⁴

К сожалению, ограниченные рамки статьи не позволяют привести здесь хотя бы выборочно использованные Салтыковым библейские мотивы в его зрелых крупных произведениях, таких как *Помпадур* и *помпадурши*, *История одного города*, *Письма к тетеньке*, *Господа ташкентцы*, *Дневник провинциала в Петербурге*, *Благонамеренные речи* и др. Скажем только, что писатель широко пользовался образами как Нового, так и Ветхого Заветов, используя эти образы чаще всего для определенных сатирических целей. Ярким примером такого использования библейских притч и изречений может послужить его роман *Господа Головлевы*, где главные герои, в первую очередь Арина Петровна и ее старший сын, Порфирий Владимирович, выступающий под кличкой Иудушки, даже злоупотребляют библейскими терминами. Кстати, советские щедриноведы, как бы сговорившись, образ Иудушки старались рассматривать прежде всего как борьбу Салтыкова-Щедрина с религией! „Удар по Иудушке, – писал в 1959 году известный исследователь сатирика Алексей Бушмин, – это удар по религии. Религия, как основание морали эксплуататоров, дискредитирована в *Господах Головлевых* уже тем фактом, что она выступает союзницей столь безнравственных людей, какими являются крепостники Иудушки, что она не мешает, а, напротив, способствует их существованию”.¹⁵ Интересно отметить, что так Бушмин, как и многие другие щедриноведы, не исключая даже такой объективной венгерской исследовательницы, какой является Мария Рев¹⁶, анализируя предсмертное пробуждение одичалой совести Иудушки, ни одним словом не упоминали о истинном источнике пробуждения этой совести – о великопостном чтении двенадцати евангелий.¹⁷ Именно эти двенадцать Евангелий, где рассказывается о муках Иисуса Христа, Его распятии и смерти, прочитанные священником во время службы накануне Великой

¹³ Ibidem, t. 4, s. 60.

¹⁴ Ibidem, s. 72.

¹⁵ А. С. Бушмин, *Сатира Салтыкова-Щедрина*, Москва-Ленинград 1959, s. 177.

¹⁶ М. Рев, *Образ Иудушки и некоторые вопросы сатирического и психологического изображения*, „Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae”, t. 13, F. 1–2, Budapest 1967, s. 47–87.

¹⁷ Нужно отдать однако справедливость Евграфу Покусаеву, который в своей книге *Революционная сатира Салтыкова-Щедрина* (Москва 1963), упомянул о чтении двенадцати евангелий (s. 430).

Пятницы¹⁸, возымели свое действие на совесть Иудушки, который „понял впервые, что в этом сказании идет речь о какой-то неслыханной неправде, совершившей кровавый суд над Истиной...”¹⁹ Под влиянием этих евангельских сказаний Иудушка обращается к Анниньке, которая только что обласканная им, не переставала спрашивать *добрый ли он?*:

„ – Слышала ты, что за Всенощной сегодня читали? – спросил он, когда она, наконец, затихла, – ах, какие это были страдания! Ведь только такими страданиями и можно... И простил! Всех навсегда простил!

Он опять начал большими шагами ходить по комнате, улыбаясь, страдая и не чувствуя, как лицо его покрывается каплями пота.

– Всех простил! – вслух говорил он сам с собою, – не только тех, которые *тогда* напоили Его отцом с желчью, но и тех, которые и после, вот теперь, и впредь, во веки веков будут подносить к Его губам оцет, смешанный с желчью... Ужасно!, ах, это ужасно!

– И вдруг, остановившись перед ней спросил:

– А ты... простила?

Вместо ответа, она бросилась к нему и крепко его обняла.

– Надо меня простить! – продолжал он, – за всех... И за себя... и за тех, которых уж нет... Что такое! Что такое сделалось?! – почти растерянно восклицал он, озираясь кругом, где... *все?*...”²⁰

И Порфирий Головлев, гонимый совестью, решил в предпасхальную ночь пойти на могилу матери, чтобы проститься с ней и просить прощения. „На дворе выл ветер и крутилась мартовская мокрая метелица, посылая в глаза целые ливни талого снега. Но Порфирий Владимырь шел по дороге, шагая по лужам, не чувствуя ни снега, ни

¹⁸ В православной церкви накануне Великой Пятницы читаются следующие двенадцать *Евангелий Святых Страстей Господа нашего Иисуса Христа*:

Евангелие от Иоанна XIII, 31 – 18, 1

Евангелие от Иоанна XVIII, 1 – 28

Евангелие от Матфея XXVI, 57 – 75

Евангелие от Иоанна XVIII, 28 – 19, 16

Евангелие от Матфея XXVII, 3 – 32

Евангелие от Марка XV, 16 – 32

Евангелие от Матфея XXVII, 33 – 54

Евангелие от Луки XXIII, 32 – 49

Евангелие от Иоанна XIX, 25 – 37

Евангелие от Марка XV, 43 – 47

Евангелие от Иоанна XIX, 38 – 42

Евангелие от Матфея XXVII, 62 – 66

¹⁹ М. Е. Салтыков-Щедрин, *op. cit.*, t. 13, s. 260.

²⁰ *Ibidem*, s. 261.

ветра и только инстинктивно запахивая полы халата”.²¹ К могиле матери Иудушка не дошел, замерз по дороге. „Он умер в щедринском романе, – пишет советский ученый, – постыдной смертью...”.²² Спрашивается – почему постыдной? Скорее трагической!

Скажем прямо, образ Иудушки, это не „удар по религии”, а именно торжество религии, как торжеством религиозных чувств Салтыкова являются его рассказы *Елка* и *Христос воскрес!* из цикла *Губернские очерки*. Мог ли бы, борющийся с религией писатель, каким беспрекословно представляли сатирика ученые филологи, подарить читателям хотя бы такой рассказ как *Христос воскрес!*? Вот начало этого рассказа:

„Скажите мне, отчего в эту ночь воздух всегда так тепел и тих, отчего в небе горят миллионы звезд, отчего природа одевается радостью, отчего сердце у меня словно саднит от полноты нахлынувшего вдруг веселия, отчего кровь приливает к горлу, и я чувствую, что меня как будто поднимает, как будто уносит какую-то невидимую волною?

«Христос воскрес!» – звучат колокола, вдруг загудевшие во всех углах города; «Христос воскрес!» – журчат ручьи, бегущие с горы в овраг; «Христос воскрес!» – говорят шпиль церквей, внезапно одевшиеся огнями; «Христос воскрес!» – приветливо шепчут вечные огни, горящие в глубоком, темном небе; «Христос воскрес!» – откликается мне давно минувшее мое прошлое”.²³

Несомненно, ничего общего с антирелигиозностью не имеют и два завершающие цикл сказок Салтыкова-Щедрина произведения – *Христовая ночь* и *Рождественская сказка*, антирелигиозность которых в свое время старались доказывать не только начинающие филологи, стремящиеся получить за свои „исследования” научные степени²⁴, но и видные столичные ученые, комментаторы двадцатитомного издания произведений Салтыкова, вышедшего в 1965-1977 годах. „Салтыкову – писали они – не свойственна апелляция к религии и церкви, он прекрасно понимал и неоднократно разоблачал в своей сатире их реакционную сущность. В связи с этим на первый взгляд кажется неожиданным, что в сказочном цикле писатель дважды – в *Христовой ночи* и *Рождественской сказке* прибегает к религиозно-мифологическим образам и формам христианской

²¹ Ibidem, s. 262.

²² А. С. Бушмин, *М. Е. Салтыков-Щедрин*, Ленинград 1970, s. 133.

²³ М. Е. Салтыков-Щедрин, op. cit., t. 2, s. 241.

²⁴ См. напр.: С. П. Соловьев, *Проблемы народной революции в сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина второй половины 1880-х годов*, „Ученые записки Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена”, t. 120, 1955, s. 79–91; Н. В. Карпов, *Три сказки Салтыкова-Щедрина (К вопросу об антирелигиозных идеях в творчестве сатирика)*, [w:] *Из истории литературы*, Калуга 1963, s. 69–94.

проповеди. Идеи, развиваемые в этих произведениях, посвященных моральным проблемам, в сущности глубоко враждебны религиозным догматам. С точки зрения новой морали Салтыков обличает такие характерные явления 80-х годов, как предательство и политическое ренегатство (*Христовая ночь*), и призывает к гражданскому подвижничеству (*Рождественская сказка*)”.²⁵

Как видим, воздвигая Салтыкову-Щедрину пьедестал атеиста, советские щедриноведы доискивались в его творчестве антирелигиозных мотивов даже там, где их и в помине не было.

Проблема отношения Салтыкова-Щедрина к Библии, а шире – к религии, это одна из веских проблем его многогранного творчества, ибо обращена она ко многим аспектам мировоззрения, метода и стиля сатирика. К сожалению, *страха ради иудейска* (Иоанн, XIX, 38 – одно из любимых изречений Салтыкова), щедриноведы долгие десятилетия избегали изучения этой проблемы в позитивном плане. Но, к счастью, время пришло и пора снимать с великого писателя лик атеиста и показывать его таким, каким в действительности был этот гениальный русский моралист-сатирик.

²⁵ М. Е. Салтыков-Щедрин, *op. cit.*, т. 16, cz. 1: Комментарий, s. 429.